

DOI: 10.31857/S0130386425020012

© 2025 г. Л.В. ЛАННИК

**К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ХАОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**
(на материале событий 1918 года на постимперских пространствах)

Ланник Леонтий Владимирович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; *ORCID:* 0000-0003-4313-5557; *Researcher ID:* ABD-9832-2020

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. Доминирование системного подхода в исследовании международных отношений контрастирует с сохраняющимися методологическими проблемами и разрывами в системных представлениях о динамике различных версий мироустройства. Помимо дискуссий о традиционно выделяемых системах, следует иметь в виду до сих пор отсутствующий анализ систем иного типа, характеризующихся хаотическим развитием и краткосрочностью существования. Материала для исследования процессов на международной арене за рамками обычно выделяемых «стабильных» систем вполне достаточно. Особенно богаты деформациями и различными проектами дальнейшего развития периоды глобальных конфликтов, в том числе мировых войн XX в. Перспективным примером для разработки и апробации методологии системного анализа несостоявшихся систем является попытка формирования в 1918 г. Брестской системы, основанной на германской гегемонии в Восточной Европе и на Ближнем Востоке, а затем и на всех постимперских пространствах в Евразии. Для ликвидации имеющихся пробелов необходимо развитие системной методологии в исторических исследованиях, что требует парирования воздействия ряда вненаучных факторов. Решение методологической проблемы позволит «перезагрузить» многие дискуссии и дополнить представления о закономерностях развития систем международных отношений в различных условиях, об их типологии и возможностях прогнозирования.

Ключевые слова: система международных отношений, системный подход, методология, Первая мировая война, Брестская система, Версальская система, постимперские пространства, хаотические процессы, этнотерриториальные конфликты.

L.V. Lannik

Towards the Study of Chaotic Systems in International Relations: A Case Study of the Events of 1918 in Post-Imperial Spaces

Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; *ORCID:* 0000-0003-4313-5557; *Researcher ID:* ABD-9832-2020

The study was financially supported by a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. The dominance of the systemic approach in the study of international relations contrasts with persistent methodological challenges and disruptions in systemic perspectives regarding the dynamics of various iterations of world order. In addition to ongoing discussions of traditionally recognised systems, it should be noted that there is a lack of analysis concerning other types of systems characterised by chaotic development and short-term existence. There exists an ample body of material for studying processes on the international stage beyond the frameworks of the commonly distinguished “stable” systems (such as Vienna, Versailles, etc.). Periods of global conflict, particularly the world wars of the twentieth century, are notably rich in deformations and diverse developmental projects. A particularly instructive case for the development and testing of a methodology for the systematic analysis of failed systems is the 1918 attempt to establish the Brest system, based on German hegemony in Eastern Europe and the Middle East, and subsequently in the broader post-imperial spaces of Eurasia. To address existing gaps, it is essential to develop a systematic methodology for historical research, one that safeguards against the influence of various non-academic factors. Resolving this methodological issue will facilitate a “reset” of numerous debates and enhance our understanding of the patterns governing the development of international relations systems under varying conditions, as well as their typology and forecasting potential.

Keywords: the system of international relations, a systematic approach, methodology, the First World War, the Brest system, the Versailles system, post-imperial spaces, chaotic processes, ethnoterritorial conflicts.

Системный подход в изучении и дальнейшей разработке целостной концепции истории международных отношений давно превратился в общепризнанный и даже господствующий как в зарубежных (при определенных нюансах в терминологии), так и в отечественных научно-образовательных центрах¹. В течение нескольких десятилетий усилиями ряда специалистов, в том числе политологов и социологов, подробно проанализированы достижения западной историографии, проделана значительная работа по введению в отечественный научный оборот соответствующей терминологии и концептуальных рамок², а также ряда переживших с 1980–1990-х годов взлет популярности концепций (И. Валлерстайна или К. Уолтца, например). Сложилась определенная традиция и целый спектр попыток последовательно применять базовые оппозиции (типа «ядро – периферия») на различном историческом материале, а также опыт критического осмысления этих попыток³. Однако развитие методологии и общий уровень анализа пока далеко не соответствуют готовности исследовательского сообщества к ориентации на системное видение проблематики, воспринимаемое подчас декларативно. На основе последовательной апробации материалов и концепции защищенной в 2022 г. докторской диссертации⁴, в ходе рецензирования работ коллег по истории международных отношений первой четверти XX в., в связи с рядом дискуссий в научных коллективах и на конференциях сформировался ряд наблюдений, выводов и предложений.

В современной историографии и учебной литературе по системной истории международных отношений приходится констатировать определенную путаницу понятий. Во многом

¹ Окончательно институционализировать господство этого метода был призван масштабный проект, однако уже его хронологические рамки ставили больше задач, нежели решали, см.: Системная история международных отношений, 1918–1991 гг. / под ред. А.Д. Богатурова: в 4-х т. М., 2000.

² См., например: Основы общей теории международных отношений / сост. А.С. Манькин и др. М., 2009.

³ См., например: Мюнклер Г. Империи: логика господства над миром. От Древнего Рима до США / перев. с нем., пред. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014; Миньяр-Белоручев К.В. Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия // Новая и новейшая история. 2019. № 6. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013038640007606-4>; Егзое же. Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013038640010320-0>

⁴ Ее расширенная версия опубликована: Ланник Л.В. Непосильная гегемония: Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб., 2023.

она вызвана не вполне корректным применением терминологии общенаучного системного подхода применительно к историческим исследованиям. В частности, под «системой» нередко понимается – априорно и без попыток теоретического обоснования – нечто не только тщательно юридически зафиксированное, но и непременно стабильное и долговременное, что сопровождается хорошо известными примерами, восходящими к идеальному (но едва ли реальному) представлению о Венской системе международных отношений. Уровень кризисности последней сильно недооценивается⁵, поэтому столь непререкаемы рассуждения о «равновесии», «балансе сил», «концерте» основных акторов и проч. Констатируемая «стабильность» в той или иной системе международных отношений зачастую зависит от избранного угла зрения (региона, страны, сферы взаимодействия), а тем более от степени детализации выстраиваемой картины и удобных хронологических рамок. Массу примеров этому можно найти в истории и описании событий в историографии наиболее, вероятно, исследованной Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, которой без всяких оснований приписывают «стабильное» существование если не 20, то минимум 15 лет. О том, что подобные попытки идеализации системы сами по себе являются лучшей иллюстрацией ее уязвимости для критики или для отказа от прежних «секторальных» граней восприятия сложных внутрисистемных процессов и их проявления, как правило, не задумываются. Далеко не случайно и то, что методологически никак не обоснованное предпочтение исследованию стабильных и стремящихся к этому систем по сравнению с анализом явно нестабильных является, по-видимому, общенаучным феноменом, что позволяет предположить чисто субъективные факторы, а не простое совпадение или сколько-нибудь обоснованные научные принципы, диктующие такое «игнорирование».

Не происходит и безусловно необходимой для подлинного усвоения системного подхода конвергенции приемов его использования на историческом материале с практикой других областей знания. Определенные усилия в этом направлении Л.Н. Гумилева вызвали главным образом (и порой не без оснований) острую критику⁶, но не стремление последовать примеру с учетом уже допущенных ошибок или спорных логических допущений, особенно на материале новейшей истории, где объемы материалов позволили бы быстро исключить многие сомнительные построения, оправдываемые дефицитом источников.

В случае начала дискуссии о системах международных отношений почти неизбежно сказывается хронологическая путаница: датировки и подразделения этапов существования систем международных отношений «вдруг» оказываются в лучшем случае неоднозначными, требуют все большего числа оговорок, пока не выясняется, что принятые даты и вовсе некорректны, в том числе потому, что избраны на материале лишь одной (пусть даже претендующей на гегемонию в исследуемой системе) страны, что равносильно отождествлению системы в целом с одним из ее элементов, т.е. заведомому искажению. После этого в связи с различными нестыковками вынуждены идти на компромиссы, в том числе выделяя в «стабильных» системах несколько «режимов», «порядков», «перезагрузок» и т.д.⁷, что уже означает очередной теоретико-методологический оксюморон между критериями (пожеланиями) к «настоящим» системам и явно обширным набором средств как-то замаскировать их несоответствие этим критериям (стабильности, долговечности и т.д.). Многие пытаются оправдать некоей естественной динамикой в системах (хотя об их статичности в принципе не может быть и речи) или словотворчеством вокруг нежелания признать признаки хаоса в системе, что объявлялась состоявшейся и стабильной. Грань между фазами динамического равновесия и откровенной деградацией несущих опор системы

⁵ Даже наиболее стабильный период ее существования – 1878–1908 гг. и конкретно на территории Европы перестает казаться таковым, если поистине подробно реконструировать эволюцию складывавшихся военно-политических альянсов или даже одного из них. См.: *Afflerbach H. Der Dreibund: Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Köln; Wien, 2002.*

⁶ См.: *Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.*

⁷ См.: *Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е гг. М., 2021.*

часто довольно размыта в восприятии, что было сполна продемонстрировано событиями 1933–1939 гг., однако массу позднее забывшихся грозных признаков дестабилизации и/или несостоятельности можно без труда обнаружить и в периоды внешнего благополучия системы, например той же Версальской в 1923–1929 гг.

Одним из наиболее известных примеров воздействия политической предвзятости на «объективный» анализ могут служить дискуссии о Великой Французской революции, в том числе о ее хронологических рамках, разброс которых простирается от 5 до 26 лет, а даже базовые вопросы оплетены мифологией во много слоев⁸. Таким образом, вновь слишком заметно сказывается проблема полунтуитивной терминологии, не всегда рефлекслируемых политических симпатий, призванных подменить имманентную процессам логику развития оценочными мнениями о «подъеме», «спаде», о «незавершенности» этапов и т. п., построенных на учете интересов лишь отдельных элементов системы или при фокусировке на двусторонних отношениях тех или иных держав. Хотя исследование билатеральных, переплетенных или общих «историй» соседних стран является одним из самых традиционных и периодически входящих в моду жанров литературы, в том числе в публикации дипломатических документов, однако с методологической точки зрения рассмотрение двусторонних отношений в рамках сколько-нибудь сомкнутого цивилизационного пространства, разделенного на десятки и сотни государств, тем более в эпоху глобализации, является слабо обоснованным упрощением, обреченным на искажение большинства системных взаимодействий.

На фоне подобных существенных проблем с историей даже традиционно выделяемых систем — особенно Вестфальской — открытым и едва ли поставленным до сих пор остается вопрос, что же происходит с международными отношениями «между» системами, т. е. между 1806 (?) и 1814–1815 гг., в 1914–1920 гг., 1939–1945 гг., после 1991 г. (?)... Системность как свойство, в том числе той совокупности процессов и взаимодействий, что понимается как «международные отношения», достигших к лету 1914 г. беспрецедентной плотности, по определению нельзя «поставить на паузу», как невозможно полагать сам факт наличия данного феномена пропорциональным некоей (и неизбежно мнимой) стабильности. При самых жестких ограничениях, даже в военное время, процесс накопления изменений в расстановке сил и структуре акторов на международной арене продолжается в любом случае, хотя бы в форме политических деклараций руководства великих держав. Этому достаточно примеров в истории Первой мировой войны. Зачастую элементы системы различного порядка полагают, что данные — причем в силу их официозности необратимые — шаги, фиксирующие статусы, военно-политические, а то и экономические обязательства того или иного правительства относительно иных элементов системы, потом будут вполне «системно» закреплены в рамках некоей всеобщей мирной конференции. Актуальным образцом таковой вплоть до Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. считали, как правило, Венский конгресс, не задумываясь о сомнительной корректности такого «идеала» в изменившихся до неузнаваемости политических «правилах игры» начавшегося с 1914 г. явно другого века. Легитимировать заявленные в ходе войны обязательства любого масштаба вообще удается далеко не всегда, хотя попытки отложить действительно трудные решения и уступки «до заключения всеобщего мира» оставались базовой практикой и в финале Великой войны, и даже в период между Компьеном и Версалем.

В отличие от поиска нарочито внутриевропейского (и потому заведомо обреченного) устойчивого баланса в Вене в 1814–1815 гг. и попыток поддержать таковой зачастую декларативными актами Священного союза в 1818–1822 гг., к началу следующего XX столетия критическое значение для формирования любой системы международных отношений приобрел параметр ее глобальности. Несмотря на то что роковым ударом для Венского варианта устройства Европы стал Греческий кризис 1821–1830 гг., девальвировавший важнейший для создателей постнаполеоновского порядка принцип легитимизма, а подавляющее

⁸ См., например: Чудинов А. В. Французская революция. История и мифы. М., 2007.

большинство последующих конфликтов было связано с различными гранями Восточного вопроса, европоцентризм продолжал искажать логику решений и расчетов основных акторов на международной арене в течение как минимум столетия. В эпоху «высокого империализма», ставшего предметом своеобразной гордости западной историографии⁹, усложнение структуры и вариантов развития системы международных отношений значительно обгоняло принимаемые – и довольно оперативно – технические и организационные меры по развитию аппарата обработки и принятия решений. Одной из самых насущных проблем современных исследований международных отношений оказывается поэтому пока довольно слабо развитая история инфраструктуры и информационных сетей¹⁰. Ее лишь предстоит объединить с имеющимся громадным корпусом дипломатических источников для воссоздания целостной картины decision-making в эпоху резко возросшей скорости информационного потока. Именно здесь столь часто поднимаемые на щит междисциплинарные (и не только в собственно гуманитарных рамках) исследования могли бы дать подлинно новаторские результаты. Июльский кризис, продолжающий вызывать почти схоластические дискуссии¹¹, является примером неадекватности этики и структуры кризисного менеджмента потенциам развития событий при условии «автоматизированного» выполнения отработанных сценариев и отлаженной (на первом этапе) системы связи электрической эпохи.

Благодаря несоответствию между автокаталитическими процессами в системе и все более иллюзорными возможностями контроля над ее развитием даже после перехода к затяжной войне осенью 1914 г. оказалась невозможной жесткая блокировка межкоалиционных контактов вопреки суровым мерам экономического давления. Состоялся не столько насильственный раздел бурно развивавшейся мировой системы обмена товарами, идеями и людьми, сколько его условная и частичная фрагментация. На фоне привычной модели международного разделения труда она воспринималась как импровизация, а затем и как хаос. Это доказывает пример огромного товарообмена дефицитными ресурсами через нейтральные страны, в первую очередь через Скандинавию, но также и через Италию (до объявления ею войны уже не только Австро-Венгрии, но и Германии в конце августа 1916 г.), Румынию, Нидерланды, Испанию и даже Швейцарию¹². Высокий уровень глобализации довоенного мира оказался непосильным даже для радикальных ограничений и репрессий против различных форм собственности и гражданских лиц, легитимированных военной необходимостью.

В индустриальную эпоху при наличии развитых средств связи и транспорта система международных отношений должна быть или жестко замкнута искусственно (что всегда является утопическим проектом, а потому требует огромных расходов, как и при поддержании любой блокады или самоизоляции, что было сполна продемонстрировано, но не вполне учтено по итогам наполеоновской континентальной блокады) или доведена, в том числе посредством дополнительных структур и межсистемных компромиссов, до глобальности, насколько это позволяют текущие технические возможности и геополитические рычаги. Едва ли менее сложной оказывалась и проблема возвращения к прежнему уровню взаимодействия при потенциальной ликвидации фронтов (Восточного, например), и даже любые

⁹ См., например: *Tuchman B.W.* The proud tower. A Portrait of the World Before the War, 1890–1914. New York, 1966; *Hobsbawm E.* Age of Empire, 1875–1914. London, 1987.

¹⁰ Хотя появляется все больше работ по аспектам становления мирового информационного пространства, см., например: *Barth V.* Wa(h)re Fakten. Wissensproduktionen globaler Nachrichtenagenturen 1835–1939. Göttingen, 2020.

¹¹ См., например, нашу мемуарную – без существенных к тому причин – книгу К. Кларка: *Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2012.

¹² Целый ряд примеров: *Just H.* Neutralität im Ersten Weltkrieg // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 1966. Bd. 19. S. 363–435; 1967. Bd. 20. S. 277–355; *Frey M.* Der Erste Weltkrieg und die Niederlande. Ein neutrales Land im politischen und wirtschaftlichen Kalkül der Kriegsgegner. Berlin, 1998; *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006.

попытки выстроить компактную систему международных отношений лишь в коалиционных рамках, даже если оптимизация военных усилий являлась вопросом выживания для стран – участниц войны. Постоянно проявляющаяся незамкнутость такой «коалиционной» системы международных отношений (страны-союзники и поддерживающие с ними отношения того или иного уровня нейтральные государства) для внешнего воздействия крайне осложняла стабилизацию выделенного под образование нового порядка пространства.

Компромиссных результатов, которые бы позволили облегчить становление поистине «всеобщей» системы, более приспособленной к необратимо изменившейся расстановке сил, или реализацию утопической (но весьма популярной у части элит) идеи восстановления довоенного порядка с помощью «дешевых» сделок, Первая мировая война не предполагала почти с самого начала, однако осознание невозможности прежнего подхода к дипломатическим торгам заняло у воюющих сторон не один год¹³. Способствовал этому крайне низкий (что выглядит странно на фоне громадного опыта конфликтов XVII – начала XIX в.) уровень культуры коалиционного взаимодействия, эхом которого – в отсутствие разработанной методологии системного анализа – стало явно запоздалое развитие коалиционной истории мировых войн. Ее до сих пор подменяют специализированные (по театрам военных действий или кампаниям)¹⁴ исследования или смежные постановки проблемы¹⁵, не подразумевающие рассмотрение (меж)системного взаимодействия.

Победа в Великой войне в любом случае (задолго до самой кровопролитной кампании 1918 г.) оказывалась столь дорогой, что и до решающего и последнего ее этапа были задействованы те ресурсы, что победители изначально планировали получить (или закрепить за собой) лишь по итогам военного противостояния. Особенно это касается схватки за симпатии так называемых малых наций, т.е. тех этнических общностей, что долгое время были лишены или никогда до того не имели собственной государственности. Именно к этой категории следует отнести, например, объявление османским султаном-халифом джихада странам Антанты, попытки спровоцировать массированные антиколониальные восстания и т.д. и т.п. Все более жестким становилось информационное, а затем и идеологическое противостояние. К зиме 1917–1918 гг. вопрос стоял не о том, допустимо ли оформление новой реальности в международных отношениях еще до «всеобщего мира» (а на эту фикцию продолжали ссылаться в первой фазе переговоров в Брест-Литовске, в частности), а о том, кто сможет сохранить за собой проектную инициативу. Выдвижение претендующих на основу будущих международных отношений концепций к тому моменту вышло на решающую стадию: «14 пунктов» В. Вильсона (хотя у него и до и после были иные выступления на ту же тему), ряд заявлений представителей Центральных держав, в том числе германских рейхсканцлеров Т. фон Бетман-Гольвега и Г. фон Гертлинга, а также по мере дебатов в Бресте¹⁶ – главным образом о согласии на принципы «самоопределения наций», «без аннексий и контрибуций» и т.д., – включая сюда и ряд программных заявлений большевиков, и стремительно принимаемые ими на государственном уровне декларации. Острая конкуренция и слабое осознание (несмотря на постоянное соответствующее впечатление)

¹³ Это хорошо заметно даже по тем исследованиям, что построены на стремлении к демонстрации агрессивных намерений лишь одной из воюющих сторон. См.: *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / перев. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017.

¹⁴ См., например: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T.I. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917; T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1975–1992; *Bachinger B.* Die Mittelmächte an der Saloniki-Front 1915–1918. Zwischen Zweck, Zwang und Zwist. Paderborn, 2018.

¹⁵ Россия в стратегии Великой войны / под ред. И.Н. Новиковой: в 2-х кн. СПб., 2014.

¹⁶ См.: *Der Friede von Brest-Litowsk. Ein unveröffentlichter Band aus dem Werk des Untersuchungsausschusses der Deutschen Verfassungsgebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages* / bearb. von W. Hahlweg. Düsseldorf, 1971; Брестский мир: пролог, заключение, итоги. Сб. документов / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника, А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. М., 2022.

характера осложнений уже с конца 1917 г. гарантировали мучительный и затяжной характер системообразующих процессов, в возможности контроля над которыми были уверены все претенденты на победу в мировом кризисе, включая большевиков.

Первые результаты перемирий в Брест-Литовске, Фокшанах и Эрзинджане, заключенных почти одновременно в декабре 1917 г., быстро возымели стратегические последствия и для тех держав, что в переговорах не участвовали (например, в связи с информационными потоками иной интенсивности и перебросками войск). Это дает основание констатировать появление зачатков для новых, пусть и пока едва намечившихся систем международных отношений еще на стадии перемирия, до заключения основных или прелиминарных мирных договоров. Эти зачатки систем на базе довольно хрупких, но затянувшихся на месяцы перемирий отличались крайней нестабильностью в связи с откровенно хаотической в том числе, по единодушному мнению очевидцев и участников событий, обстановкой, вызванной переходом вооруженного насилия на уровень едва ли не более глубокий, чем могли представить до того в якобы упорядоченной «войне регулярных армий и фронтов». Очаги будущей системы, заявленные при разных обстоятельствах ее параметры как идеологического, так и экономического, информационного и дипломатического (а впоследствии и культурного) характера, еще предстояло сводить в целостную стратегию, обеспечив ей необходимый фундамент, в первую очередь минимальную лояльность населения на пространстве нового варианта переустройства. Это опять-таки требовало необратимых по последствиям и, как правило, гласных шагов высших военных и политических инстанций, а также громадных финансовых и кадровых инвестиций, к чему воюющие державы не были готовы ни материально, ни даже психологически, что сразу же продемонстрировала стадия имплементации договоров. Однако в историографии до сих пор исследование процесса переговоров и анализ согласованных документов зачастую преобладает над рассмотрением выполнения, ведь последнее куда более требует системного подхода в попытке охватить слишком многие линии взаимодействия. Из-за этого возникает иллюзия «стабильности» «общепринятых» систем, основанная главным образом на представлениях о пожеланиях к их основе, а не на тщательной реконструкции процесса воплощения этих пожеланий¹⁷.

Радикальное несоответствие между ожидаемым уровнем затруднений при оформлении системы и объемом ресурсов, который она постоянно запрашивает, является базовым параметром при оценке качества системы, а при учете темпа событий и скорости изменения в расстановке сил — для ее причисления именно к хаотическим системам. Приходилось испытывать и нарастающее давление всех новых младших акторов в оформляемых системах, расходовать — в обстановке продолжающейся смертельной схватки — ценные финансовые и военные ресурсы на их становление и поддержание. Эти признаки в полной мере, да еще и по нарастающей, проявлялись при любых попытках проектирования послевоенного мира, интенсифицировавшихся в течение 1917 г. сразу из нескольких источников. Детали исхода Великой войны оказывались, таким образом, куда менее важными самого факта принципиальной схожести любого будущего мироустройства (модели Вильсона, Ленина или Шейдемана). Большая часть элит отказывалась это признавать, а контрэлиты (большевики, например) полагали данное следствие мирового конфликта самым важным условием своих радикальных экспериментов.

Куда более ценным, нежели исследование «стабильных» систем, требующее по меньшей мере сложного определения рамок и доказательства этой «стабильности», для проверки целостности и универсальности системного подхода оказывается анализ более разнообразных, в том числе самых крайних и недолговечных или лишь намечавшихся, вариантов международного порядка, которые можно было бы отнести к категории failed system. Это

¹⁷ Это не исключает усилий совместить исследование стадий согласования и хотя бы начатков имплементации, см.: *Payk M. Frieden durch Recht? Der Aufstieg des modernen Völkerrechts und der Friedensschluss nach dem Ersten Weltkrieg. Berlin; Boston, 2018; Leonhard J. Der überforderte Frieden: Versailles und die Welt 1918–1923. München, 2018.*

способствовало бы переходу к типологии систем международных отношений, к моделированию набора альтернатив, сопровождающего развитие системы и отражающего процесс согласования важнейших решений, в принципе позволило бы рассматривать различного рода риски вместо принципиального упрощения истории международных отношений до набора «единственно верных» систем, восприятие которых в именно такой тональности более всего удивило бы если не их создателей, то многих современников.

Взаимоотношения элементов в рамках систем, находящихся в стадии проектирования и становления, тем более хаотических и/или недолговечных, нуждаются в столь же системном анализе, как и «общепринятые», т.е. «стабильные», а сохранение прежней «дискриминации» ведет к накоплению искажений и ошибок хотя бы из-за отбора информации. Особенно это касается столь популярных и господствующих уже не только в западной историографии case-studies. Между тем аксиомы системного подхода, основанные на базовом определении системы, обладающей в совокупности теми свойствами, что не имеют отдельные ее элементы, а также принципиальный приоритет в исследовании системы в пользу связей между элементами, а не непосредственно самих элементов¹⁸, гарантируют, что любой «единичный» подход не может иметь эвристической ценности для исследования системных явлений и любых связанных с ними процессов. Тяжелейшим изъяном в построениях вне пределов системного анализа является постоянное проявление «эффекта постзнания», особенно в механическом переносе привычных границ на реалии иной эпохи, в рассуждениях о состоятельности тех или иных государственных проектов, судьбе международных соглашений, репутации режимов и т.д.

Перспективным и по уровню сложности, и по возможностям сравнительно компактного рассмотрения примером системы в стадии становления, отличающейся высокой хаотичностью (ведь хаос является разновидностью системы, обладающей едва ли не максимальным потенциалом к развитию и усложнению, а потому и к известного рода стабильности), может служить та, что начала оформляться в 1918 г. в результате трансформации Восточного фронта Великой войны. Она была основана на серии соглашений, заключенных различными государствами Центральной и Восточной Европы, главным из которых, но далеко не единственным, является Брест-Литовский мирный договор от 3 марта. В рамках этой системы за недолгий — официально лишь чуть более восьми месяцев, до 11–13 ноября 1918 г., — период ее существования было заключено около десятка мирных договоров как коалиционных, так и двусторонних, а также ряд перемирий и десятки соглашений секторального и локального уровня, т.е. демонстрировала непрерывный процесс качественного развития вопреки последующей мифологии вокруг «похабного», «Тильзитского», но в любом случае эфемерного договора, едва ли не единственного в своем роде. Амбивалентность качества системы, формирующейся в военных условиях, проявляется не только в очевидных минусах и дефицитах ее становления, но и в ряде организационных выгод и даже своего рода экономии на легитимации, ведь военными потребностями и крайне простым переходом к прямому применению силы возможно отложить согласование почти любых дискуссионных вопросов.

Динамика развития Брестской системы обеспечивалась постоянно нарастающей нагрузкой на нее, как структурной, так и материальной (по меньшей мере в виде военных издержек финальной кампании Великой войны), а неизбежным — но также крайне затратным — выходом из этого непрерывного цейтнота могла быть только геополитическая экспансия новой системы, хотя и необязательно прямыми военно-политическими средствами.

¹⁸ См., например: Системный подход в современной науке / отв. ред. И.К. Лисеев, В.Н. Садовский. М., 2004. Труды пионера системного анализа в России (а возможно, и в мире) видного большевика А.А. Богданова, а также судьба их восприятия в отечественной науке также вызывают немалый интерес: *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука / под ред. Г.Д. Гловели. М., 2019. Огромным авторитетом у отечественных «естественников» пользовались работы по теории систем И.Р. Пригожина. См.: *Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М., 1979.

Импульсы к структурированию и самоорганизации, присущие системе в целом вне зависимости от позиции отдельных и даже основных ее акторов, по-разному оформлялись или парировались исполнителями в центральных инстанциях и на местах. Фактически непрерывно велась работа над уточнением базовых сделок между государственными акторами, чтобы учесть накопившиеся из-за огромного темпа событий изменения в расстановке сил и легитимировать либо добиться ликвидации претендующих на вхождение в систему новых элементов. Особой проблемой при анализе является учет «теневых» акторов, т.е. элементов, которые не удалось включить в состав системы официально, однако они поддерживались ресурсами держав более высокого порядка в качестве инструмента для продвижения желаемой альтернативы развития системы в целом или ее дополнения в том или ином регионе особой подсистемой, призванной лучше гарантировать интересы лишь примыкающих элементов, но не всех участников системы. Примерами этого могут выступить любые марионеточные правительства, не контролирующие заявленную территорию (Советская Украина в мае – ноябре 1918 г., Финляндская Демократическая Республика в 1939–1940 гг. и т.д.), однако возможны и иные способы военно-политического оформления теневых акторов разной степени состоятельности.

Применительно к событиям 1918 г. на пространствах бывшей Российской империи и сопредельных с ней стран нетрудно заметить общесистемные закономерности:

1) тенденция к экспансии системы (особенно в связи с вакуумом военно-политических альтернатив надрегионального уровня вплоть до начала 1919 г.), в том числе расширения пространства ее воздействия вне конкретных устремлений основных ее акторов;

2) агрессивное стремление главных акторов системы, т.е. Германской империи и Советской России, а порой и их наиболее весомых партнеров (Австро-Венгрии, Османской империи, Украины) к иерархизации системы, хотя это прямо противоречило многим декларациям и коалиционным фикциям равного партнерства;

3) последовательное усложнение структуры системы (все новые международные соглашения, регламентирующие вертикальные и горизонтальные связи между элементами различных порядков, появление новых квазигосударственных акторов, втягивание в систему нейтральных государств, согласование региональных подсистем и т.д.);

4) поиск механизмов оптимизации внутренних связей и потоков дефицитных ресурсов (продовольствия, руд металлов, топлива и т.д. вплоть до использования военнопленных), а также последовательные усилия по вытеснению насилия обратно на «нормальный» уровень с восстановлением монополии на легальное насилие у государственных структур;

5) запуск процессов «очистки» от паразитарных (т.е. не обладающих положительным балансом ресурсов и перспектив) элементов по согласованию основных акторов, а также постоянное тестирование системы на эффективность в решении актуальных проблем общесистемного характера, особенно в тех регионах, где нарастало внешнее противодействие (со стороны Антанты, например, в Закавказье, на Русском Севере, в Туркестане);

6) неуклонная интенсификация контактов с нейтральными государствами, с попытками включить их во все большее количество структур системы (начиная с торгово-экономических), в том числе для использования предоставляемых ими возможностей для выстраивания вокруг системы буфера либо полноценной «прокладки» между одной системой и другой, сформированной основными конкурентами в схватке за глобальную гегемонию;

7) усложнение взаимодействия главных элементов системы (гегемона и его основного контрагента) для интенсификации экспансии, сокращение издержек на балансировку элементов, в том числе путем перекалывания все большей части расходов на младших партнеров, с более или менее удачным стремлением заинтересовать, а не только принудить их к этому;

8) трансляция базовых характеристик социально-экономической динамики внутри пространства системы, частным случаем которой являлся «экспорт революции», тщетно сдерживаемый даже Германской империей и даже на мнимом пике ее военно-политических возможностей как гегемона системы. Каналов для того, чтобы постимперскими

постепенно стали территории всех империй, не только Романовых, но и Габсбургов, Османов и Гогенцоллернов, всегда оказывалось достаточно¹⁹.

Одним из проявлений этого стали трагические одиссеи национальных корпусов имперских армий, не только чехословацких, но и польских, югославянских и других соединений. Они шли по различным траекториям, «антантовская» из которых была лишь самой напрашивающейся, но далеко не единственной, как пытались представить уже после того, как определился исход Великой войны. Не случайно одной из базовых проблем для появившихся с 1918 г. новых государств становилась трансформация остатков бывших миллионных имперских армий и удовлетворение амбиций их лидеров, особенно сделавших «не тот выбор» (И.Р. Довбор-Мусницкого в Польше, например)²⁰. Национальные корпуса являются индикатором и усилителем целого ряда явлений военного времени и дезинтеграции империи: миграций, «оккупационного» подхода к населению любых временно попавших под контроль территорий, полного нигилизма в отношении официальных властей, понимаемых как не обладающих юрисдикцией, валютного хаоса, этических «экспериментов» в отношении любых контрагентов (адмирала А.В. Колчака, например) и т.д. и т.п.

Исследование системы подобного типа — очень недолговечной (в данном случае минимум 8 месяцев, а с учетом «пролога» и «эпилога» около 15 месяцев — с декабря 1917 г. по март 1919 г.), ограниченного размаха (плохо изученного, впрочем, а потому о четких географических рамках говорить (пока) едва ли корректно)²¹, с деформированным темпом и способами развития в условиях кульминации мирового конфликта, при крайне неблагоприятном внешнем воздействии (в основном, комплексном давлении со стороны стран Антанты) — представляет собой массу трудностей²². Однако применение именно такого подхода позволяет перевести изучение международных отношений из стадии условно-бесконечного накопления фактологии в реконструкцию целостного полотна событий и процессов, поддающихся диагностированию и прогностике. Превращает базовую канву дипломатической истории из набора ничем не связанных сюжетов при принципиальном отказе от расширения рамок рассмотрения в действительно аналитическое русло. Разумеется, проверка предлагаемых методологических новаций материалом лишь Первой мировой войны не может быть ни достаточной, ни убедительной без переноса сначала на сопоставимые этапы развития международных отношений, а затем и на любые другие. Иным весьма перспективным примером активно формирующейся, но крайне нестабильной и непрерывно деформируемой при построении до экстремума системы может быть создаваемый в годы Второй мировой войны державами «оси» «новый мировой порядок».

¹⁹ См., например: *Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920.* Wien: Köln; Weimar, 2003.

²⁰ См.: *Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г.* СПб., 2020. С. 229–245.

²¹ Например, до сих пор систематически недооценивается масштаб воздействия Первой мировой войны в ряде якобы не затронутых ей регионов, в частности давление Центральных держав в Средней Азии и вообще на просторах Евразии. См.: *Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924.* Paderborn u.a., 2013; *Ланник Л.В. Германский фактор в развертывании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: проблема переоценки // Гражданская война в России. Проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности / под ред. В.М. Рынкова, В.В. Журавлева.* Новосибирск, 2022. С. 257–270; *Васильев А.Д. Центральная Азия в политике России и Турции в XIX – первой половине XX в.: дис. ... докт. ист. наук.* М., 2023. Зато куда лучше известно противодействие этому Антанты: *Улуян А.А. Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство.* М., 2019.

²² В этом убеждает опыт реконструкции корпуса источников, иллюстрирующих попытки контролировать развитие хаотической системы (без действительно серьезного осознания самого факта и степени хаотизации), лишь из одного (!) центра ее развития и представителями лишь одной из основных ее держав, см.: *Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы / сост. А.Ю. Ватлин, Л.В. Ланник, Т. Пентер.* М., 2023.

Особое значение имеет учет еще одного подлинно системного свойства: ход и результаты развития систем международных отношений невозможно ни отменить, ни после очередной декларации свернуть в сколько-нибудь короткий срок, ни «не заметить» или дезавуировать без каких-либо последствий. Но именно так и поступила в ощущении своего триумфа Антанта с Брестской системой, т.е. с попытками заложить основы послевоенного устройства в варианте если не полной победы, то хотя бы континентальной гегемонии Германии по итогам Первой мировой войны. Последствия развития событий под эгидой иной системы всегда сказываются, тем более если они связаны с первичным оформлением целого ряда новых государств. Нарастающая актуальность изучения закономерностей волны «послевоенного» насилия 1917–1923 гг., что еще недавно тщетно пытались объяснить исключительно особенностями Великой войны²³, заставляет поставить вопрос о необратимости последствий любых «временных» режимов или промежуточных решений. Значительные успехи в переосмыслении финала Великой войны и ее датировки, не детерминируемой событиями на Западном фронте, постепенно сменяются тупиком понятийного новояза – «о второй Первой мировой»²⁴, например. Таково следствие того, что системный анализ событий регулярно считается неоправданным по сравнению с подчеркиванием уникальности каждого из «национальных» кейсов.

Признание в типичности многих якобы отдельных трагедий или «особенно несчастливых стечений обстоятельств» оказывается вопросом политики, а не культуры исследования. Обращение к гипотезе о значимом и деформирующем развитии Версальской системы наследии предыдущей попытки масштабного переустройства значительной части Евразии позволяет отказать в от многих загадок или единичных «исключений». История по меньшей мере Восточной Европы и Ближнего Востока 1917–1923 гг. почти навязывает несколько несложно иллюстрируемых выводов, которые следует апробировать при рассмотрении и иных аналогичных стадий развития международных отношений на планете, т.е. всякого периода демонтажа прежней системы и становления иной, претендующей на глобальность. Простого диктата даже кажущихся всемогущими держав оказывается недостаточно для безболезненного игнорирования проблем, заложенных предыдущей системой (даже недолговечной, насильственно свернутой или демонтированной ее создателями, не считаясь с потерями). Это было более чем убедительно продемонстрировано (но, к сожалению, до сих пор едва ли осознано что современниками, что потомками) ходом событий во время быстрого крушения Версальской системы. Последняя была ликвидирована по мере накопления необходимого для этого потенциала в рамках непосильного для нее и тем более ее основных акторов системного кризиса, требующего именно того, чего последние стремились избежать в любом случае: ревизии базовых условий, заложенных в 1919–1923 гг. Системный кризис был вызван набором тех региональных конфликтов, причины которых Версальская система не учитывала, а лишь навязывала желаемый вариант «решения», ожидая его принятия без дополнительных военных издержек в качестве очевидно наиболее рационального выбора любыми акторами и без какой-либо существенной поддержки гегемона нового мироустройства (как «линию Керзона», например, или разграничение между Германией и Польшей в Западной Пруссии и Верхней Силезии). Аналогии с событиями на развалинах Ялтинско-Потсдамской системы, неуклонно деградирующей по меньшей мере с момента явного краха фасада биполярности в 1989 г., напрашиваются, однако их верификация требует особого рассмотрения.

Необходимыми компонентами развития методологии анализа международных систем в целом (а не только наиболее известных и традиционно – вопреки длительным дискуссиям – выделяемых), условием становления целостной их типологии, не зависящей от стадийных наблюдений и политических предпочтений, являются последовательные усилия

²³ См., подробнее: *Gerwarth R. The Vanquished: Why the First World War failed to end.* London, 2016.

²⁴ См.: *Central and Eastern Europe after the First World War / eds B. Olschowsky, P. Juskiewicz, J. Rydel.* Berlin; Boston, 2021.

по разработке, терминологической апробации, «кодификации» параметров анализа и опыт практического применения уточненной методологии, избавленной от искусственных оговорок и ненаучных упрощений, на широком историческом материале.

Библиография

Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Документы / сост. А.Ю. Ватлин, Л.В. Ланник, Т. Пентер. М., 2023.

Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука / под ред. Г.Д. Гловели. М., 2019.

Брестский мир: пролог, заключение, итоги. Сб. документов / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника, А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. М., 2022.

Васильев А.Д. Центральная Азия в политике России и Турции в XIX – первой половине XX в.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2023.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

Ланник Л.В. Германский фактор в развертывании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: проблема переоценки // Гражданская война в России. Проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности / под ред. В.М. Рышкова, В.В. Журавлева. Новосибирск, 2022. С. 257–270.

Ланник Л.В. Непосильная гегемония: Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб., 2023.

Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е гг. М., 2021.

Миньяр-Белоручев К.В. Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013038640010320-0>

Миньяр-Белоручев К.В. Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия // Новая и новейшая история. 2019. № 6. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013038640007606-4>

Мюнклер Г. Империи: логика господства над миром. От Древнего Рима до США / перев. с нем., пред. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014.

Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М., 1979.

Основы общей теории международных отношений / сост. А.С. Манькин и др. М., 2009.

Системная история международных отношений, 1918–1991 гг. / под ред. А.Д. Богатурова: в 4-х т. М., 2000.

Системный подход в современной науке / отв. ред. И.К. Лисеев, В.Н. Садовский. М., 2004.

Улуян А.А. Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / перев. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017.

Чудинов А.В. Французская революция. История и мифы. М., 2007.

Afflerbach H. Der Dreibund: Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Köln; Wien, 2002.

Barth V. Wa(h)re Fakten. Wissensproduktionen globaler Nachrichtenagenturen 1835–1939. Göttingen, 2020.

Central and Eastern Europe after the First World War / eds B. Olschowsky, P. Juskiewicz, J. Rydel. Berlin; Boston, 2021.

Clark C. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2012.

Der Friede von Brest-Litowsk. Ein unveröffentlichter Band aus dem Werk des Untersuchungsausschusses der Deutschen Verfassungsgebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages / bearb. von W. Hahlweg. Düsseldorf, 1971.

Gerwarth R. The Vanquished: Why the First World War failed to end. London, 2016.

Hobsbawm E. Age of Empire, 1875–1914. London, 1987.

Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien; Köln; Weimar, 2003.

Leonhard J. Der überforderte Frieden: Versailles und die Welt 1918–1923. München, 2018.

Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn u.a., 2013.

Payk M. Frieden durch Recht?: Der Aufstieg des modernen Völkerrechts und der Friedensschluss nach dem Ersten Weltkrieg. Berlin; Boston, 2018.

Tuchman B.W. The proud tower. A Portrait of the World Before the War, 1890–1914. New York, 1966.

References

Berlinskaja missija polpreda Ioffe 1918 g. Dokumenty [The Berlin mission of Envoy Joffe 1918. Documents] / sost. A.Ju. Vatlin, L.V. Lannik, T. Penter. Moskva, 2023. (In Russ.)

Bogdanov A.A. Tektologija. Vseobshhaja organizacionnaja nauka [Tectology. Universal Organizational Science] / pod red. G.D. Gloveli. Moskva, 2019. (In Russ.)

Brestskij mir: prolog, zakljuchenie, itogi. Sb. dokumentov [The Brest Peace: prologue, conclusion, results: collection of documents] / otv. sost. A.V. Repnikov; sost. A.V. Borisova; pred., komm., prim., ukaz. L.V. Lannika, A.V. Repnikova, pri uchastii B.S. Kotova. Moskva, 2022. (In Russ.)

Chudinov A.V. Francuzskaja revoljucija. Istorija i mify [The French Revolution. History and Myths]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Fisher F. Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennyh celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. [A leap towards world domination. The policy of military objectives of Imperial Germany in 1914–1918] / perev. s nem., komm. i pred. L.V. Lannika. Moskva, 2017. (In Russ.)

Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Leningrad, 1990. (In Russ.)

Lannik L.V. Germanskij faktor v razvertyvanii Grazhdanskoj vojny v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: problema pereocenki [The German factor in the unfolding of the Civil War in Siberia and the Far East: the problem of reassessment] // Grazhdanskaja vojna v Rossii. Problemy vyhoda, istoricheskie posledstvija, uroki dlja sovremennosti [The Civil War in Russia. Problems of exit, historical consequences, lessons for modernity] / pod red. V.M. Rynkova, V.V. Zhuravleva. Novosibirsk, 2022. S. 257–270. (In Russ.)

Lannik L.V. Neposil'naja gegemonija: Germanskaja imperija na frontah Grazhdanskoj vojny v Rossii [Unbearable hegemony: The German Empire on the fronts of the Russian Civil War]. Sankt-Peterburg, 2023. (In Russ.)

Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii. Germanskaja okkupacija 1918 g. [After the Russian Empire. The German occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Magadeev I.E. V teni Pervoj mirovoj vojny. Dilemmy evropejskoj bezopasnosti v 1920-e gg. [In the shadow of the First World War. Dilemmas of European Security in the 1920s]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Min'jar-Beloručev K.V. Jadro i periferija sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij: harakter vzaimodejstvija [Core and Periphery of the International System: Types of Interaction] // Novaya i Novejšhaya Istorija [Modern and Contemporary History]. 2019. № 6. S. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013038640007606-4> (In Russ.)

Min'jar-Beloručev K.V. Vzaimodejstvie jadra i periferii sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij v istoricheskom aspekte [Interaction of Core and Periphery of the International System: Historical Analysis] // Novaya i Novejšhaya Istorija [Modern and Contemporary History]. 2020. № 4. S. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013038640010320-0> (In Russ.)

Mjunkler G. Imperii: Logika gospodstva nad mirom. Ot Drevnego Rima do SShA [Empires: The Logic of domination over the world. From Ancient Rome to the USA] / perev. s nem., pred. i komm. L.V. Lannika. Moskva, 2014. (In Russ.)

Nikolis G., Prigozhin I. Samoorganizacija v neravnovesnyh sistemah: Ot dissipativnyh struktur k uporjadochennosti cherez fluktuacii [Self-organization in nonequilibrium systems: From dissipative structures to orderliness through fluctuations]. Moskva, 1979. (In Russ.)

Osnovy obshhej teorii mezhdunarodnyh otnoshenij [Fundamentals of the general theory of International Relations] / sost. A.S. Manykin i dr. Moskva, 2009. (In Russ.)

Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij, 1918–1991 gg. [Systemic History of International Relations, 1918–1991] / pod red. A.D. Bogaturova: v 4 t. Moskva, 2000. (In Russ.)

Sistemnyj podhod v sovremennoj nauke [A systematic approach in modern science] / otv. red. I.K. Liseev, V.N. Sadovskij. Moskva, 2004. (In Russ.)

Ulujan A.A. Turkestanskij placdarm 1917–1922. Britanskoe razvedyvatel'noe soobshhestvo i britanskoe pravitel'stvo [Turkestan bridgehead 1917–1922. The British Intelligence Community and the British government]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Vasil'ev A.D. Central'naja Azija v politike Rossii i Turcii v XIX – pervoj polovine XX v. [Central Asia in the politics of Russia and Turkey in the 19th – first half of the 20th century]: dis. ... dokt. ist. nauk. Moskva, 2023. (In Russ.)

- Afflerbach H.* Der Dreibund: Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Köln; Wien, 2002.
- Barth V.* Wa(h)re Fakten. Wissensproduktionen globaler Nachrichtenagenturen 1835–1939. Göttingen, 2020.
- Central and Eastern Europe after the First World War / eds B. Olschowsky, P. Juskiewicz, J. Rydel. Berlin; Boston, 2021.
- Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2012.
- Der Friede von Brest-Litowsk. Ein unveröffentlichter Band aus dem Werk des Untersuchungsausschusses der Deutschen Verfassungsgebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages / bearb. von W. Hahlweg. Düsseldorf, 1971.
- Gerwarth R.* The Vanquished: Why the First World War failed to end. London, 2016.
- Hobsbawm E.* Age of Empire, 1875–1914. London, 1987.
- Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien; Köln; Weimar, 2003.
- Leonhard J.* Der überforderte Frieden: Versailles und die Welt 1918–1923. München, 2018.
- Mark R.A.* Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn u.a., 2013.
- Payk M.* Frieden durch Recht?: Der Aufstieg des modernen Völkerrechts und der Friedensschluss nach dem Ersten Weltkrieg. Berlin; Boston, 2018.
- Tuchman B.W.* The proud tower. A Portrait of the World Before the War, 1890–1914. New York, 1966.